

## П. Е. Астафьевъ, какъ философъ.

---

Искренно сожалѣя о преждевременной кончинѣ П. Е. Астафьева, съ которымъ я состоялъ лично въ добрыхъ отношеніяхъ и въ которомъ я уважалъ почтеннаго дѣятеля въ области любимой мною философской науки, я въ видѣ воспоминанія скажу нѣсколько словъ о немъ, какъ философъ. Различая въ его сочиненіяхъ и дѣятельности два теченія: чисто философское и публицистическое, я думаю, что во второмъ, т.-е. въ публицистикѣ П. Е. Астафьева, нерѣдко отражалось вліяніе на него случайныхъ и временныхъ общественныхъ обстоятельствъ, а потому она не была свободна отъ преходящихъ увлеченій, особенно въ полемикѣ, и не можетъ служить выраженіемъ его основныхъ и постоянныхъ философскихъ убѣжденій. Отсюда въ настоящемъ моемъ воспоминаніи я коснусь только чисто философскихъ воззрѣній покойнаго, какъ наиболѣе соответствовавшихъ глубочайшимъ потребностямъ его мыслящаго духа \*).

Философское направленіе, которому былъ постоянно вѣренъ П. Е. Астафьевъ, на сколько это мнѣ извѣстно изъ его сочиненій и изъ личныхъ отношеній, называется *спиритуализмомъ*. Но такъ какъ въ этомъ направленіи существуютъ нѣкоторыя частныя отличія, то и въ спиритуализмѣ его была довольно яркая особенность. Основнымъ началомъ для него былъ духъ—не какъ субстанція, а какъ «сама о себѣ знающая» духовная дѣятельность. Иными словами можно это выразить такъ, что дѣя-

---

\*) Здѣсь кстати сказать, что лучшія, по моему, сочиненія П. Е. — тѣ, въ которыхъ совсѣмъ не примѣшивается публицистики. Таковы, наприм., «Понятіе психическаго ритма, Москва 1882»; «Чувство, какъ нравственное начало, Москва 1886»; «Къ вопросу о свободѣ воли, Москва 1889»; и послѣднее «Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія, Москва 1893».

тельность была у него безразлично, или заразъ,—и функцію, и ея субъектомъ, значитъ, сознавалъ и зналъ о своей дѣятельности у него не субъектъ, не существо, а сама же *дѣятельность*. Въ философскомъ отношеніи это различіе не пустое и только словесное, а довольно важное, хотя многіе читателя П. Е. Астафьева, видя, съ какою энергіею онъ упрекаетъ «механическое безсубъектное міровоззрѣніе» и психологію, которая не признаетъ реальности того, что мы называемъ нашимъ *я*, могутъ подумать, что онъ именно и отстаиваетъ то, что называется на философскомъ языкѣ субстанціей. Но это было бы ошибочно: субстанція у П. Е. есть все-таки нѣчто поставленное, производное, а не первоначальное. Замѣчательнымъ представителемъ такого направленія въ философіи былъ Фихте старшій, по которому понятіе, выражаемое словомъ «бытіе», не есть первое, а уже второе. Первое же есть *дѣяніе* (*Thatthandlung*), *актъ*, самъ себя становящій и утверждающій, и затѣмъ уже всѣ прочіе его акты имѣютъ свой субъектъ въ первомъ актѣ \*).

Другой постоянный пунктъ въ философскихъ убѣжденіяхъ П. Е. Астафьева составляетъ ученіе о томъ, что внутренней опытъ или данныя непосредственнаго сознанія каждаго отдѣльнаго существа составляютъ важнѣйшій источникъ не только для спеціально психологическаго, но и для всякаго познанія вооб-

\*) Что П. Е. Астафьевъ имѣлъ своимъ первоначальнымъ руководителемъ Фихте,—это можно усмотрѣть и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненій; я же, кромѣ того, убѣжденъ въ томъ изъ моихъ личныхъ бесѣдъ и споровъ съ нимъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда мы познакомились съ нимъ въ Кіевѣ. Подкрѣпленіемъ моего мнѣнія можетъ служить и то, что субстанціальность Бога у него признавалась главнымъ образомъ на основаніи религіозной вѣры, а не философскаго убѣжденія. Впрочемъ, несомнѣнное вліяніе на него Фихте было первоначальнымъ, въ позднѣйшее же время онъ въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, всего болѣе сближался съ Лотце, который тоже первымъ ставитъ не субстанціальное бытіе, а *дѣятельность*. Конечно, П. Е. А. сознавалъ затрудненіе мыслить первоначально дѣятельность безъ дѣятеля или субстанціи. Но признать субстанцію онъ опасался, повидимому, изъ-за того, чтобы не впасть въ матеріализмъ, или въ признаніе тождественнаго съ нимъ, по его мнѣнію, *безсознательнаго* бытія. Этотъ страхъ, конечно, былъ неоснователенъ, потому что, во-первыхъ, матеріи не существуетъ (она только иллюзія нашего неправильнаго мышленія), во-вторыхъ, приравнивать безсознательное бытіе матеріальному ошибочно, ибо абсолютно безсознательнаго вовсе не существуетъ. Оно только относительное (для тѣхъ или другихъ существъ или моментовъ), — и кромѣ того, сознательность или безсознательность бытія никакой существенной связи съ его духовностью или матеріальностью не имѣетъ.

ше \*). При этомъ внутренній опытъ или самонаблюденіе онъ ставитъ въ рѣзкую противоположность съ внѣшнимъ, чувственнымъ опытомъ и понимаетъ его не какъ методъ или особый познавательный пріемъ, а какъ живую, непосредственную *данность* реальной дѣятельности ей же самой.

Къ этимъ двумъ постояннымъ пунктамъ спиритуалистическаго міровоззрѣнія Петра Евгеньевича приходило и стоявшее въ тѣсной связи съ ними отрицаніе имъ значенія какихъ-либо безсознательныхъ элементовъ въ нашихъ знаніи и дѣятельности. Въ этомъ отрицаніи онъ думалъ, что всякому, кажущемуся въ нашемъ опытѣ безсознательнымъ или автоматическимъ, процессу непремѣнно предшествовалъ тотъ же процессъ, но сознательный, сопровождаемый сознаніемъ усилія, напряженія воли и т. п. По его ученію, всякая безсознательная автоматическая дѣятельность, подобно, наприм., игрѣ на инструментахъ, ходьбѣ, танцамъ и т. п., только становится таковою въ силу привычки или частаго повторенія, такъ что постепенно теряется всякое сознаніе первоначальной ея трудности \*\*).

Въ тѣсной связи съ сейчасъ указанными воззрѣніями стоитъ и постоянно отстаиваемый П. Е. Астафьевымъ принципъ свободы воли. Съ большою силою и искусствомъ дѣлаетъ онъ это въ вышеуказанномъ сочиненіи: «О свободѣ воли», гдѣ борется съ *детерминизмомъ* материалистовъ и позитивистовъ, а также и съ теоріею трансцендентальной свободы (Кантъ, Шопенгауэръ), пытаясь съ своей стороны обосновать свободу воли на внутреннемъ сознаніи ея усилія и напряженія въ дѣйствіяхъ \*\*\*).

\*) Особенно высоко цѣнилъ П. Е. Астафьевъ непосредственное сознаніе акта усилія, напряженія воли въ качествѣ доказательства реальности духовной дѣятельности нашего субъекта и въ этомъ ссылаясь между прочимъ на извѣстнаго французскаго психолога Менъ-де-Бирана.

\*\*\*) Незадолго передъ кончиной П. Е. увлекся въ личномъ спорѣ до утвержденія, что всѣ биологическіе акты (наприм., кровообращеніе, пищевареніе, всасываніе и т. п.), совершающіеся у взрослага человѣка безсознательно, автоматически, могутъ быть, въ утробной жизни совершались сознательно, съ усиліемъ.

\*\*\*) По моему, надежды автора въ этомъ случаѣ не оправдались, потому что и онъ стоялъ на той бесплодной почвѣ, на которой спорили о свободѣ воли въ теченіе вѣковъ ея защитники и противники. Споръ этотъ, думается мнѣ, не разрѣшится до тѣхъ поръ, пока спорящіе философы ясно не сознаютъ, что главныя затрудненія лежатъ не столько въ понятіи причинности, сколько

Къ убѣжденію о свободѣ воли присоединялось у П. Е. Астафьева и другое, что *чувство любви* лежитъ въ основѣ нравственной воли. Въ лучшемъ, по моему, изъ сочиненій П. Е. «Чувство, какъ нравственное начало», онъ развиваетъ вѣрную мысль, что источникъ чувства любви лежитъ не во внѣшнихъ объектахъ или лицахъ, повидимому вызывающихъ ее своими свойствами, а «въ активной, страстной» волѣ самого любящаго. «Не потому любимъ мы тотъ или другой предметъ, говоритъ авторъ что получаемъ отъ нихъ наслажденіе, пользу, удовлетвореніе стремленій и т. п., но потому, что тѣ существа или объекты, которымъ нужна наша забота или охрана, или же которые имѣютъ право на служеніе имъ нашей воли (наприм., религія, государство, отечество и т. п.), тѣмъ самымъ способствуютъ подъему нашего самочувствія, сознанія большей цѣнности нашего бытія и дѣятельности». И чѣмъ болѣе мы имѣемъ стремленія къ дѣятельности, тѣмъ сильнѣе и страстнѣе наша любовь, вовсе независимо отъ того, вознаграждаютъ насъ за то или нѣтъ любимыя лица или предметы. «Любимъ мы не отъ нищеты и скудости, но отъ полноты и богатства нашей собственной духовной жизни».\*)

Вотъ основные философскіе *принципы*, которымъ постоянно служилъ П. Е. Астафьевъ и которые защищалъ съ надлежащими энергією и талантомъ. Ко всему этому нужно еще прибавить,

въ понятіяхъ субстанции и времени. Такъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы вести споръ не о свободѣ воли, а о свободѣ или степени свободы человѣческой субстанции, ибо воля, какъ функція, зависитъ отъ того, кому она принадлежитъ. Далѣе слѣдуетъ окончательно и не двусмысленно порѣшить вопросъ о реальности времени. У Канта, наприм., его положеніе о *трансцендентальной идеальности* времени совершенно устраняется другимъ положеніемъ—о его *эмпирической реальности*.

\*) Здѣсь нельзя не замѣтить, что такъ какъ П. Е. Астафьевъ отрицалъ *субстанцію* и не различалъ ее отъ *дѣятельностей*, то у него постоянно и встрѣчается тенденція отождествленія субъекта или нашего «я» съ какой-либо изъ его функцій. Такъ, онъ то подобно Фихте, даетъ имя субъекта или дѣятельной силы *разуму*, т.-е. мыслящей дѣятельности нашей субстанции, то называетъ субъектомъ *волю*, т.-е. желательную дѣятельность субстанции, то наконецъ ставитъ основнымъ началомъ нравственнаго субъекта—чувство. Правда, онъ нигдѣ не называетъ субъектомъ или дѣятельной силой *ощущеніе* (или движеніе), но конечно потому, что относить послѣднее не къ психическимъ дѣятельностямъ, а къ матеріальнымъ. Прямо и рѣшительно онъ нигдѣ не отрицалъ матеріи, хотя и старался молчаливо свести ея дѣятельность на минимумъ.

что покойный обладал развитымъ эстетическимъ чувствомъ и обнаруживалъ это въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній.

Такъ какъ въ области философіи, въ особенности же при весьма неблагоприятныхъ для нея условіяхъ въ нашемъ отечествѣ, полная и окончательная выработка и установка философскихъ убѣжденій человѣка можетъ совершиться только въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то по возрасту, въ которомъ внезапно кончилъ свою жизнь покойный, можно было ожидать отъ него еще многихъ плодотворныхъ трудовъ въ его специальной наукѣ. Поэтому каждый любящій искренно философію, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ, долженъ пожалѣть о безвременной кончинѣ П. Е. Астафьева. Что касается до меня лично, то, хотя я и расходился во многихъ пунктахъ съ П. Е. Астафьевымъ, но все-таки въ общемъ и цѣломъ и я принадлежу къ одному и тому же направленію, т.-е. спиритуализму, а потому живо чувствую въ покойномъ потерю въ высокой степени достойнаго уваженія союзника.

А. Козловъ.

---